

«Мне хочется сойти с ума...»
Смещенные состояния сознания
в поздней лирике В.Ф. Ходасевича

© М. В. ТУРИЛОВА,
кандидат филологических наук

В статье рассмотрены описания смещенных состояний сознания в трех поэтических сборниках В.Ф. Ходасевича, вошедших в итоговое «Собрание стихов» (1927): «Путем зерна», «Тяжелая лира», «Европейская ночь». Выяснено, в каких случаях смещается грань между реальностью и иной реальностью, как это описывается, оценивается ли как позитивное или негативное изменение, что понимается под реальным и ирреальным миром и как они воспринимаются автором.

Ключевые слова: В.Ф. Ходасевич, стихи, безумие, смещенные состояния сознания, «я»-субъект.

In this work we analyze 3 collections of poems by V.F. Khodasevich: «The Way of Corn», «Heavy Lyre», «European Night» that were included in the «Collection of Poems» (Paris, 1927) focusing on the contexts describing changed consciousness. We addressed the following questions. When the boundary between reality and the other reality shifts, in which terms this shift can be described, whether it is a positive or negative transformation, or even perversion, and what is supposed to be the reality and unreality and how the author evaluates it.

Key words: V.F. Khodasevich, poetry, madness, changed consciousness.

Смещенные состояния сознания занимают особое место в искусстве и особенно в поэзии. В статье рассмотрены описания смещенных состояний

сознания в трех поэтических сборниках В.Ф. Ходасевича, вошедших в итоговое «Собрание стихов» (1927): «Путем зерна» (1920), «Тяжелая лира» (1922) и «Европейская ночь» (цикл, впервые в полном составе появившийся в «Собрании стихов», хотя и задуманный как отдельная книга).

Проанализированы контексты, в которых встречаются слова и словосочетания: *сойти с ума, бред, бредовый, безумный, безумно, безумец, взбеситься, буйство, неистовство, сон, чудо, душа / психея*. Менее очевидные: *преобразить, преобразиться, преображение, падать (в себя, бред) о сердце*; *лечу, взыграть (о душе), отуманить, затуманить, одурманить, падучая (о душе); смотреть в себя, обратный взор, забыть, полудзабыться, забвенье, забытье, истома, томить, изнеможенье, бесы*. «Последствия»: *видения, призрак, являться*. И, наконец, «симптомы»: *брести, бессмысленный, бесплотный, тайнослышанье, перемещенный, воплощенный, раскачка, выворот, пробелы (в душе), разъятый мозг, бессвязные речи*.

Определено, в каких случаях смещается грань между реальностью / иной реальностью, чем это сопровождается, в каких терминах описывается, оценивается ли это преображение-искажение позитивно или негативно, что понимается под реальным миром и как последний оценивается автором [1].

В сборнике «Путем зерна» встречаются восемь таких контекстов. В стихотворении «Со слабых век сгоняя смутный сон...» (1914) день описывается как бодрствование, но душа при этом волнуется:

Со слабых век сгоняя смутный сон,
Живу весь день, тревожим и волнуем,
И каждый вечер падаю, сражен
Усталости последним поцелуем.
Но и во сне душе покоя нет:
Ей снится явь, тревожная, земная,
И собственный сквозь сон я слышу бред,
Дневную жизнь с трудом припоминая.

Однако и ночью, во сне, есть причины для тревоги: это дневная явь. Оказывается, дневная тревога не связана с ощущением ирреального «ночного» мира, а присуща дневному существованию, потому и ночью вызывает *бред*. Ночью происходит раздвоение личности «я»-субъекта: в стихотворении есть тот, кто *бредит* (душа, вспоминающая о земной яви), и тот, кто слышит этот *бред* (с трудом припоминающий о дневном). Итак, противопоставлены дневная жизнь как состояние, переживаемое как *бред*, и *сон* как потенциальное успокоение (бред связан с воспоминанием о дневном).

В стихотворении «Сны» (1917) встречаются такие строки:

Так! Наконец-то мы в своих владеньях!
 Одежду – на пол, тело – на кровать.
 Ступай, душа, в безбрежных сновиденьях
 Томиться и страдать!
 Дорогой снов, мучительных и смутных,
 Бреди, бреди, несовершенный дух.
 О, как еще ты в проблесках минутных
 И слеп, и глух!

Местоимение «мы» сразу заявляет о раздвоении «я»-субъекта на тело («я-дневное») и душу (вырастающую в дух), которая освобождается от земного лишь во сне и вновь возвращается к нему, но земное видит уже преображенным: «Лишь явно мне, что некий отсвет новый / Лежит на всем». Эпитет *безбрежный* актуализирует словесный ряд созвучных слов с другим корнем (*бред, бредить* – ср. *брежу*), эти ассоциации поддерживаются формой глагола *бредти* во второй строфе: описывается не названный, но подразумеваемый бред – состояние мучительных снов души, которая учится видеть и слышать.

В стихотворении «На ходу» (1916) снова оказываются рядом *сон наяву* и глагол *бредти*. *Земные расстоянья* (то есть жизнь) *томят*, как *сон наяву*, потому что чувство счастья оттого, что любимая рядом, торопит иную реальность. Описывается ощущение земной реальности как сна наяву.

В стихотворении «Эпизод» (1918) возникает мотив освобождения души от тела:

... Я сознавал, что нужно
 Остановить его, сдержать в себе, – но воля
 Меня покинула... Бессмысленно смотрел я
 На полку книг, на желтые обои,
 На маску Пушкина, закрывшую глаза.
 Все цепенело в рыжем свете утра.

Сознание, проявляющее себя в теле, постепенно угасает (*сознавал, воля покинула, бессмысленно, цепенела*). Посмертный гипсовый слепок изначально «незряч», маска названа «закрывшей глаза», как будто бы она лишилась зрения только теперь. Уходят звуки. «Я»-субъект вновь ощущает себя вне тела, раздвоение произошло: «Но другому, / Смотревшему как бы бесплотным взором, / Так было хорошо, легко, спокойно». Эпитет *бесплотный*, которым характеризуется «другой», тот, что вне тела, указывает на связь смещенного состояния сознания и *развоплощения*.

На экземпляре «Собрания стихов», принадлежащем Н.Н. Берберовой, Ходасевич помечает: «25–28 янв. Впервые читал на вечере у Цетлиных под “бурные” восторги Вяч. Иванова (с воздеванием рук). Потом с этими

стихами ко мне приставали антропософы. Это по-ихнему называется отделением эфирного тела. Со мной это случилось в конце 17, днем или утром, в кабинете. 25 янв. написал целиком, и тотчас же за ним – «к Аняте». Один из самых напряженных дней в моей жизни. 28-го только отделился [2].

В начальный момент состояние «я»-субъекта показано как предельное перед переходом: «Изнемогая в той истоме тусклой, / Которая тогда меня томила, / Я в комнате своей сидел один». Эпитет *тусклая* синкретичен, поскольку указывает на восприятие «я»-субъектом окружающего мира (ср., например, *слепая ярость*). Это предчувствие изменения, которое описывается как *струение* вонне себя и сравнивается с *отплытием* и затем с *отдалением лодки* от берега. Происходит отделение (*видеть самого себя*) «я»-субъекта от тела. В строках «... Самого себя / Увидел я в тот миг, как этот берег; / Увидел вдруг со стороны, как если б / Смотреть немного сверху, слева...» возникает мотив «обратного» взгляда, взгляда на самого себя.

За отплытием, погружением в пучину, ухудшением слуха, утратой воли, сознания («бессмысленно смотрел») следует прояснение «в перемещенном виде», обретение душевного равновесия. Возникает метафора плавания как расширения горизонтов, видения берегов: «...Но вот качнуло нас – / И берег отступает; стала меньше / Та рощица, где мы сейчас бродили; / За рощей встал дымок; а вот – поверх деревьев / Уже видна поляна, и на ней / Краснеет баня». Затем снова следует возвращение в реальность, в «изнеможенье», однако остается «отзвук» услышанного в ином состоянии.

В стихотворении «Вариация» (1919) тоже описывается утрата остроты слуха («... все земные звуки – / Как бы во сне или сквозь сон»), *изнеможенье* – предвестники перехода в иную реальность. Вновь *изнеможенье* соседствует со стихией воды как метафорой перехода в другое состояние: «И вдруг, изнеможенья полный, / Плыву: куда – не знаю сам, / Но мир мой ширится, как волны, / По разбежавшимся кругам». Смена или развертывание миров представляются расходящимися по воде кругами.

Отделение «я»-субъекта от «земного я» оформлено тем же способом, что и в предыдущем стихотворении. В одном предложении есть пара *я*-местоимений (*я*, *моей*), которые соотносятся с разными референтами: «Я во второй вступаю круг / И слушаю, уже оттуда, / Моей качалки мерный стук».

Безумцев, *безумных* или *безумно сходящих с ума* как таковых в стихотворениях немного. Так, в стихотворении «Полдень» (1918) эпитет *безумно* появляется первым в ряду предвестников будущего смещения граней реальностей (*безумной* названа борьба *звезд*, то есть ночи, с *лучами солнца* – дневным миром). «Я»-субъект вспоминает о венецианском небе с невидимыми тогда звездами и вдруг прозревает, видя их над

бульваром, где сидит сейчас. Обостряется слух, слова и мысли излишни: это абсолютное восприятие, которое описывается как взгляд внутрь себя: «...И все, что слышу, / Преображенное каким-то чудом, / Так полновесно западает в сердце, / Что уж ни слов, ни мыслей мне не надо, / И я смотрю как бы обратным взором / В себя». Итак, переход в иную реальность предстает обретением себя: отрывом от *берега земного* и полетом в тот мир, который в стихотворении назван *родным, первоначальным миром*. Возвращение в первый, земной, мир описано нарочито буднично, что обычно для Ходасевича, – фразой из этого самого мира: «И еле внятно / Мне слышен голос барышни: “Простите, / Который час?”».

В стихотворении «Дом» (1919–1920) *безумцем* назван человек, *силящийся измерить бездну* времени. Приближение *ночи*, даваемое отдельными штрихами («...А в небе / Уже горит вечерняя звезда, / Водительница гордого раздумья», «...темнеет, / Из-за стены встает зеленый месяц...»), оказывается метафорой смерти («жизнь утекает», возникает образ горбатой старухи, разбирающей стены некогда жилого дома): «И трепещет сердце, / Как легкий флаг на мачте корабельной, / Между воспоминаньем и надеждой – / Сей памятью о будущем...». Как и в других стихотворениях, смерть, переход в ночной мир и прекращение жизни-истории воспринимается как возвращение (ср. оксюморон *память о будущем*).

Названные темы разрабатываются в сборнике «Тяжелая лира». В стихотворении «Так бывает почему-то» (1920) сон словно становится мгновенным переходом в иное состояние, отделение души от тела, осознаваемое лишь в момент возвращения назад, в тело: «Так бывает почему-то: / Ночью, чуть забрезжат сны – / Сердце словно вдруг откуда-то / Упадает с вышины». Происходит обыгрывание метафоры *упало сердце*, которое предстает камертоном *души*: «Легкая моя, падучая, / Милая душа моя!». Эпитет *падучая* связан с прежде описанным *падением* из ирреальности – мира сна (мотив падения как перехода), но вместе с тем актуализирует название болезни – *падучей*. Этим словом в просторечии называют не только эпилепсию, но и сумасшествие и связывают с приступами эпилепсии особенные моменты прозрения: то есть *падучая душа* – одновременно вернувшаяся с вышины и прозревшая, и больная.

Те же мотивы – в стихотворении «Большие флаги над эстрадой...» (1922): падение в самого себя («Закрой глаза и падай, падай, / Как навзничь – в самого себя»), отъятие окружающего мира усилием сознания, истома. Появляется новый мотив – смерти как рождения в ином мире (прошлого) («...Умри отсюда, / В давно забытое родись...»). Возникает обновленное изображение картин прежнего мира: это взгляд не вновь прозревшего на старое изображение, а видение иного изображения.

В стихотворении «Психея! Бедная моя!...» (1921) происходит трансформация образа иного мира: для *души* мучительно не *тусклое беззвучие земного мира*, а само *слышание иного* («пророчества», «тайнослышание»),

«пифийские глаголы» вдохновенья), которое раньше представляло *обретением слуха*.

В стихотворении «Жизель» (1922) призыв «Сойди с ума» – это прямая отсылка к сюжету балета, однако в контексте того, когда написано это стихотворение, возможно прочтение его как обращенного автором к самому себе. Ходасевич помечает в сборнике стихов: «1 мая, утром, в постели, больной, под оглушительный “Интернационал” проходящих на парад войск. Накануне был с А.И. на “Жизели”, она плакала все время. Это – мои последние стихи, написанные в России. День был необычайно светлый и теплый. Было очень хорошо в моей комнате с раскрытыми окнами на Мойку».

В стихотворении «День» (1921) порывы души названы невозможными: «К чему, душа, твои порывы, / Куда еще стремишься ты?». Повторенное дважды «здесь хорошо» развенчивается уже в третьей строфе: вокруг нечисть («бесы юркие кишат»), которая занята вполне будничными делами в «ленивой прелести земной». Бесовское вторгается в обыденную жизнь и становится незаметным. Ни преобразование мира смещением граней, ни уход-прозрение как спасение от будничности уже невозможны.

В стихотворении «Из окна» (1921) ожидание изменений будничного, казалось бы, происходит, но оборачивается ничем. Возвращение к прежнему названо «тихим адом». Во второй части стихотворения автор раскрывает свои ожидания полнее. Грядущая катастрофа-трансформация начнется вполне буднично – автомобильной аварией (маленькой катастрофой – большая), но для этого сами вещи – неживые элементы будничного – должны *взбеситься*, то есть *ожить* и *сойти с ума*. Затем произойдет смещение, описываемое отглагольными существительными со значением движения наружу и в разные стороны (*раскачка*, *выворот*) и картинами Апокалипсиса («...Звезда на землю оборвется / И станет горькою вода... / И солнце ангелы потушат...»), и потому катастрофа предстанет давно ожидаемым облегчением: «Прервутся сны, что душу душат». Возникает христианский мотив обретения себя в ином, истинном, мире – там, где прежнее *солнце* окажется не более чем *свечой* и будет лишним, где прежнее прошло и уже не ранит:

Прервутся сны, что душу душат.
Начнется все, чего хочу,
И солнце ангелы потушат,
Как утром – лишнюю свечу.

В стихотворении «Ни розового сада...» (1921) снова возникает *падение в себя* как метафора возвращения к себе самому: «Ни розового сада, / Ни песенного лада / Воистину не надо – / Я падаю в себя». Смещение сознания вызвано не прозрением, но неприятием будничности и всего того,

что окружающие считают прекрасным: с «дурными снами земли» «вдруг стала несогласна / взыгравшая душа». Душа замкнута в «я»-субъекте, а будничней мир «летит мимо».

Слух, восприятие «я»-субъекта обостряются с течением жизни, он видит и слышит не слышимые остальным звуки и называет изменения, которые с ним происходят, «Психеей, падающей в бред» («Стансы», 1922). В более раннем «Так бывает почему-то...» метафора *падения в себя* связана с положительными коннотациями, но здесь, как и в стихотворении «Ни розового сада...» *падать* – это уже практически *падать в бред, сходить с ума*.

Для «я»-субъекта земные звуки могут быть *несносны* потому, что *прорезывается дух* («Из дневника», 1921). В третьей строфе стихотворения описывается смерть «я»-субъекта: («А я останусь здесь лежать – / Банкир, заколотый апашем, – / Руками рану зажимать, / Кричать и биться в мире вашем»), после того как раздвоение произошло («тысячеокий» дух и «я»). Н.Н. Берберова указывает, что Ходасевич с ранних лет думал о самоубийстве и в комментариях к этому стихотворению (издание 1961 года) писал, что был готов сделать это. Это окончилось лишь с его смертью, которую он принял как долгожданное освобождение [3]. Возникает образ смерти как одухотворения, прозрения (эпитет «тысячеокий»), освобождения духа от тела. При этом «я»-субъект оставляет себя «с телом», отделяясь от уходящего духа-души, но и в этом статусе заявляет себя чужим миру, иначе – в предыдущих стихотворениях («Полдень» и др.).

В стихотворении «Вахк» (1921) *отуманивание-опьянение* описывается как *преображение*: «Подскажу я песни хору, / В светлом буйстве закручу, / Отуманенному взору / Дивно все преобразу. / И дана вам будет сила / Знать, что скрыто от очей...». Эпитет *светлый* указывает на положительную оценку преобразования, поскольку оно представляется прозрением (см. последние две строки). Но даровано оно опьяняющим Вахком – маской «я»-субъекта, который уходит и снимает с себя ответственность за происходящее.

Автомобиль как метафора нового, враждебного мира, лишаящего «я»-субъекта памяти, рассудка, способностей восприятия, появляется в стихотворении «Автомобиль» (1921):

И все, что только попадает
Под черный сноп его лучей,
Невозвратно исчезает
Из утлой памяти моей.
Я забываю, я теряю
Психею светлую мою,
Слепые руки протираю,
И ничего не узнаю:

Прежний мир (до *смещения*) представляется простым и цельным, а вторжение иного влечет за собой разятие души: «В душе и в мире есть пробелы, / Как бы от пролитых кислот».

В стихотворении «Элегия» (1921) земное существование «я»-субъекта выражается глаголом *брести*, который вызывает ассоциации со словами *бред*, *бредить*. «Душа взыграла» и иначе видит, разъединившись с телом, которое остается на земле. «Я»-субъект называет душу «своей», а того, кто остался на земле, – *тем*. Впрочем, затем «я»-субъект снова возвращается на землю и «соединяется» с *тем другим*, вспоминая о душе: «И не понять мне бедным слухом, / И косным не постичь умом, / Каким она там будет духом, / В каком раю, в аду каком»). Возникает триада: тело – душа земная – душа прозревшая (дух).

Мотив *творчества* как *забытья*, *обретения музыки*, а затем – как *возвращения к жизни* возникает в стихотворении «Баллада» (1921):

Я сам над собой вырастаю,
Над мертвым встаю бытием,
Стопами в подземное пламя,
В текущие звезды челом.

Этот мотив будет разрабатываться позже в сборнике «Европейская ночь» (1927). В стихотворении «Петербург» (1926) творчество противопоставлено безумию окружающего быта: «А мне тогда в тьме гробовой, российской, / Являлась вестница в цветах, / И лад открылся музыкой-ский / Мне в сногшибательных ветрах. / И я безумен от видений, / Когда чрез ледяной канал, / Скользя с обломанных ступеней, / Треску зловонную таскал».

Возникает мотив *чуждого* смещенного сознания. В стихотворении «У моря» (1922–1923) «я»-субъект обнаруживает себя во «все том же мире обыкновенном» как его часть, а *смещение* происходит в чужом сознании – *Каина-изгоя* (предел отчужденности от мира). Вначале описываются внутренние ощущения последнего (*измаян, ослабеваает, сердце захолонет, забыл, тоска, стон, скука*), затем – вызванное, как обычно, наступлением вечера – времени перехода, изменение: «Вот тогда-то и подхватило, / Одурманило, понесло, / Затуманило, закрутило, / Перекинуло, подняло: / Из-под ног земля убегает, / Глазам не видать ни зги – / Через горы и реки шагают / Семиверстные сапоги». Каин отправляется в путь по миру – над миром, причем сначала это движение описывается как происходящее в его сознании («одурманило, затуманило, закрутило»).

Появляется мотив кошмара ночного города в стихотворении «С берлинской улицы...», (1923): дома сравниваются с «демонами», прохожие – с «ведьмами», обретающими к тому же «песьи головы», то есть

оборотнями, и выходящими на *перекресток*, в народных представлениях – магический локус, актуализирующий связь с потусторонним миром (сам Ходасевич отмечал, что стихотворение посвящено Белому, и описывается вполне конкретное место) [2].

Субъект и объект оценки («безумен») могут меняться местами. В стихотворении «Под землею» (1923) старый рабочий – творец («Своею дикою мечтой / Здесь создает и разрушает / Он сладострастные миры...») представляется *безумцем* наблюдающей за ним старухе. Она неотъемлемо принадлежит этому миру, выходит в «белый свет, / В берлинский день», и тот оказывается абсурден – «блестящий бред».

В стихотворении «Баллада» (1925) желание сойти с ума, не быть собой (то есть поэтом) предстает в новом свете. Поэт указывает на абсурдность и несправедливость мира: «Мне невозможно быть собой, / Мне хочется сойти с ума, / Когда с беременной женой / Идет безрукий в синема. / Мне лиру ангел подает, / Мне мир прозрачен, как стекло, – / А он сейчас разинет рот / Пред идиотствами Шарло. / За что свой незаметный век / Влачит в неравенстве таком / Беззлойный, смирный человек / С опустошенным рукавом?». Но, возможно, здесь показана и некоторая зависть к существованию, простому счастью обычных людей в противовес высокому смыслу жизни людей искусства.

В стихотворении «Доволен я своей судьбой» (1923), которое было исключено автором из поздних авторских редакций книг, «я»-субъект заявляет описываемый *сказочный, бредовый мир* (изображены видения искаженного сознания – *бесенок, Баба Яга*, которая окончательно лишает героя памяти) как реальность, «явь» – «не-сон».

Итак, в сборнике «Путем зерна» (1920) земная («дневная», реальная) жизнь ощущается сном наяву, переживается как бред, а сон приносит желаемое успокоение. Переход в состояние сна влечет за собой отделение, освобождение души от тела, что позволяет ей взглянуть на себя со стороны (метафора «обратного взгляда»). Это развоплощение может описываться с помощью метафоры плавания (отплытия). Смерть, переход в иной мир и прекращение жизни-истории воспринимается как возвращение.

В сборнике «Тяжелая лира», как и в предыдущем, смерть становится рождением в ином мире, который, впрочем, предстает миром прошлого. Меняется оценка иной реальности: душе мучительна не глухота, а слышание иного мира. Бесовское вторгается в обыденную жизнь и становится незаметным. Ни преобразование души смещением граней реальности, ни уход как прозрение и спасение от будничности более невозможны. С возвращением в будничное душа не остается преобразенной, а впадает в бред. Прежний мир (до *смещения*) кажется простым и цельным,

---

а вторжение иной реальности влечет за собой разъятие души. Однако «летит мимо» не вышедшая из тела и прозревшая *душа*, а *будничность*, *душа* замкнута в «я»-субъекте. Если же раздвоение происходит, то «я»-субъект оставляет себя «с телом», отделяясь от уходящего духа-души, но и в этом статусе заявляет себя чуждым миру. Творчество предстает забвением, обретением музыки и возвращением к жизни. Возникает христианский мотив обретения себя в ином, истинном, мире – там, где прежнее уже не ранит.

В сборнике «Европейская ночь» возникает описание состояния *чужого* смещенного сознания – «выходения из своего в чужое». Кошмар ночного города, искаженные картины преподносятся как «явь». «Я»-субъект заявляет о своем желании сойти с ума, не быть собой – поэтом в этом абсурдном и несправедливом мире и вместе с тем сожалеет о том, что, возможно, не для него простое, незамысловатое существование, человеческое счастье.

Литература

1. *Ревзина О.Г.* Системно-функциональный подход в лингвистической поэтике и проблемы описания поэтического идиолекта. М., 1998. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://danefae.org/lib/ogrevzina/ogr-idiolekt.htm>
2. *Ходасевич В.Ф.* Стихотворения. Л., 1989.
3. *Берберова Н.Н.* Курсив мой: Автобиография. М., 2010.

Калужский филиал МГТУ им. Н.Э. Баумана

